

Таматарха. В кольце врагов

Автор:

Роман Злотников

Таматарха. В кольце врагов

Роман Валерьевич Злотников

Даниил Сергеевич Калинин

Таматарха #2

Касоги усмирены, князь воссоединился с семьей, а донские бродники перешли под руку Ростислава. Первые шаги по укреплению молодого княжества сделаны, но Тмутаракани еще предстоят тяжелейшие испытания.

Корсунский катепан пытается отравить князя, византийцы хотят поднять против русов мощное царство алан, ромейский флот ждет своего часа в гавани Золотой Рог... На Руси не станут мириться с захватом Тмутаракани – богатырь Святослав жаждет силой вернуть город сыну... А хан Шарукан собирает в степях огромное войско...

Выстоит ли княжество в кольце врагов?!

Роман Злотников, Даниил Калинин

Таматарха. В кольце врагов

Пролог

Май 1067 г. от Рождества Христова

Магас, столица Аланского царства

Удар!

Раздается громкий треск – и я с ужасом смотрю на пробитый щит и торчащий из него клинок Артара, аланского богатыря. Всего мгновение сверкающая на солнце сталь слепила мне глаза – и оставила широкий порез на незащищенном предплечье, когда яс вырвал меч из дерева. Однолезвийный, с изогнутой рукоятью – таким очень удобно рубить, этакий протопалаш...

И тут же тяжелый удар щит в щит отправляет меня на песок ристалища.

– Твою же ж...

Со злостью сплюнув песок, забившийся в рот при падении, я рывком поднимаюсь на ноги – и едва успеваю подставить умбон под жесткий рубящий удар. Пытаюсь ответить уколом. Яс легко отклоняет его щитом и резко бьет ногой в живот, вновь опрокинув меня на спину.

– Да когда же это кончится!

Стремительный, ловкий, точный, сильный – Артар вызывает бешеный восторг у зрителей нашего поединка. Привлекательности ему прибавляет благородная мужская красота – мощная шея, густые черные брови и выступающий вперед подбородок, окаймленный аккуратной черной бородой. Правильные черты лица и смеющиеся карие глаза уверенного в себе воина. Высокий, с широкими покатыми плечами, выпирающими грудными мышцами и крепкими, узловатыми руками – ясский богатырь хорош! Даже слишком...

Повергнув меня на песок, он не бросился добивать, а прошелся по кругу с поднятыми руками, широко, белозубо улыбаясь собравшимся. Но как только я попытался встать, Артар с ловкостью атакующего барса прыгнул на меня, одновременно воздев меч.

Какой же он все-таки быстрый...

Я едва успеваю закрыться щитом, подавшись от поединщика в сторону, но точный удар противника вновь приходится на защиту. Левая рука онемела от боли, и тут же я почувствовал непривычную легкость. Мой взгляд уткнулся в половину повисшего на предплечье щита – алан все-таки его расколол!

– А-а-а!

Вложив всю силу в один удар, я с яростью рубанул сверху, но Артар встретил наточенную сталь плоскостью своего клинка, подняв его над головой. Пару ударов сердца я бездумно давя на меч, силясь потеснить противника, и тут в мою грудь с ужасающей мощью врезался край щита яса, обитый стальной окантовкой.

Из легких словно выбили весь воздух. Сложившись пополам, я отступил назад, опустился на одно колено и оперся на воткнутый в песок меч, пытаюсь хоть как-то восстановить дыхание. Зрители с восторгом завопили, славя своего чемпиона, – и как же мне обидно, потерпев неудачу, слышать их торжествующий рев!

А ведь всего пару недель назад я наслаждался этим самым ликующим гулом, чествующим мою третью победу над яским копейщиком. Тогда мне удалось сбить в сторону древко пики противника и эффектной подсечкой опрокинуть его на песок.

Кожи у основания шеи коснулась холодная сталь клинка, слегка резанув плоть – мое копейное острие так же касалось кожи предыдущего соперника... Подняв голову, я встретился взглядом с Артаром, прочитав в его глазах торжество и удовольствие от очередного успеха. Не в силах с этим мириться, я посмотрел в сторону – и неожиданно увидел Любаву, с болью и волнением смотрящую на меня своими большими зелеными глазами. Жена судорожно вцепилась побелевшими пальцами в деревянное ограждение круга для поединков, а на щеке ее я разглядел широкие, влажные дорожки от слез.

И в ответ на взгляд любимой внутри вдруг что-то вспыхнуло...

– На!

Ударом сжатого обратным хватом клинка я сбил вражеский меч, тут же вставая на ноги. Вооруженная рука Артара начала встречное движение – кистью левой я перехватил ее у бицепса, одновременно крепко зафиксировав плечо локтем правой. Подшаг, разворот корпуса! Яс попытался оттолкнуть меня щитом, и у него практически получилось – но, чуть спружинив в коленях, я резко выпрямился, затянув противника на спину и прыгая вбок вместе с ним. Артар тяжело грохнулся на песок, я приземлился сверху – и хорошо хоть, что лезвие собственного меча оказалось отвернуто при падении!

Не освобождая вооруженной руки Яса, я зафиксировал ее левой в захвате, одновременно отталкиваясь от поединщика и смещаясь перпендикулярно его корпусу. Обе ноги узлом обвили правую Артара, и я рывком приподнялся на мостик, ломая сустав противника рычагом локтя...

Удар стальной окантовки щита пришелся на живот – алан легко не сдается! Пронзительно вскрикнув, я выпустил его руку, и Артар тут же попытался встать. Превозмогая боль, я вскочил вслед за ним и, уцепившись за щит, потянул его на себя. Резкая, высекающая подсечка под две ноги – и алан второй раз падает на песок, лишившись защиты.

Ловкий, словно горный барс, противник легко перекатился в сторону и пружинисто встал. Меч он выпустил еще на болевом, и теперь его руки пусты – оба клинка лежат у моих ног. Казалось бы, победа близка...

Бросив взгляд на возвышающийся над ристалищем помост, откуда за поединком внимательно следит царь Дургулель по прозвищу Великий, я поймал себя на мысли, что за всю схватку на лице гордого музтазхира не дрогнул ни один мускул. А ведь он не просто так пригласил меня участвовать в поединках – и вряд ли с той лишь целью, чтобы посмотреть на мое ратное искусство. Нет, я должен себя проявить.

– Эй!

Отбросив щит, я поднял клинок Артара, швырнул его к ногам соперника и вновь взялся за рукоять своего меча.

– Мы не закончили.

Я с достоинством склонил голову, после чего устремил на меня внимательный взгляд – в его глазах больше нет насмешки, лишь собранность и серьезность. Он шагнул в мою сторону, и все зрители невольно замерли – над ристалищем повисла гнетущая тишина.

Удар!

Клинки с лязгом сшиблись, а после еще и еще. Резкий и точный, мой соперник с щитом и мечом имел подавляющее преимущество – но сейчас, когда оба мы лишились защиты, я вдруг поймал ритм схватки, успевая встречать блоками каждую его атаку! Возможно, потому, что поединок стал похож на фехтование виброклинками, близкое к казачьей рубке и изучаемое мной в юности.

Отразив нацеленный в голову удар плоскостью «палаша», я тут же опускаю его вниз, навстречу очередной атаке – сталь эффектно высекает искры при сшибке. А в следующий миг уже я рублю по горизонтали, целя в горло противника, но Артар успевает закрыться, развернув меч острием вниз.

Мощный, высекающий удар изнутри выбивает стопу алана в сторону, провалив его вперед, – и стальной шар-навершие, венчающий рукоять клинка, врежется в челюсть поединщика. Артар падает на песок, и прежде, чем он успевает встать, острие моего меча впивается в выемку под его шеей, слегка оцарапав кожу.

– Ты проиграл.

Очень, очень долгое мгновение я смотрит мне в глаза, и во взгляде его успевают промелькнуть удивление, разочарование, а после – отчаянная решимость драться до конца. Но я ответил лишь дружелюбным пониманием – и в ту же секунду зрители принялись восторженно вопить, признав мою победу! Артар огорченно выдохнул. Выпустив из пальцев рукоять «палаша», он будто сжался, принимая поражение. Достойный соперник!

А я поднял взгляд на Любаву, и душу мою заполнили гордость, нежность и сострадание – по щекам счастливо улыбающейся жены вновь бегут слезы. Но в этот раз это слезы облегчения...

Супруга по-кошачьи заурчала в моих объятиях. Прижав к себе ее жаркое тело, я с удовольствием зарылся в шелковистые волосы, вдыхая их аромат и буквально задыхаясь от страсти! Мои руки едва касаются ее нежной, бархатистой кожи, лаская ее, а пальчики Дали легли на мою голову, теребя и поглаживая завитки на затылке. Приблизившись, любимая подставила под поцелуй полные губы, и я осторожно, ласково коснулся их, но с каждым мгновением это прикосновение становится все жарче.

- Мм...

- Желанная моя...

После долгих, сумасшедше страстных мгновений близости жена чуть отстранилась. Не размыкая объятий, я взглянул в ее подернутые поволокой глаза:

- Я люблю тебя.

- И я тебя люблю, милый.

Эти слова для нас – не пустой звук, и пускай они порой произносятся дежурно, но сейчас, в миг единения, они звучат особенно глубоко, лаская при этом и душу. Не отрывая взгляда от лучащихся нежностью глаз возлюбленной, я еще крепче прижал ее к себе.

- Мм!..

Как же это было сладко... Осторожно опустившись на ложе рядом с разметавшейся на нем супругой, я вновь зарылся лицом в ее волосы, всем своим естеством ощущая жар женской плоти.

- Спокойной ночи, солнышко мое...

Дали лишь сладко улыбнулась – полузакрыв глаза, она плотно придвинулась ко мне, и тут же ее тело непроизвольно дернулось. Засыпает, устала... Я с улыбкой принялся гладить волосы любимой.

Справа послышался короткий шорох, и тут же все стихло. Я устремил взор к люльке, где чуть слышно посапывает месячный малыш, ожидая, начнет ли он ворочаться снова, но вроде бы пока затих.

Сын, Славка... При воспоминании о том, как вечером я на руках укачивал этот теплый, еще крохотный комоч моего личного счастья, на губах расцвела улыбка... Я стал отцом!

На миг опустил взгляд на жену, после я вновь обратил его на люльку и задумался о только что случившейся супружеской близости – и ее конечном результате. А ведь он сейчас прямо перед глазами, спит в люльке, результат таинства близости мужчины и женщины! Таинства продолжения рода, на которое благословил супругов сам Господь!

Не потому ли оно неизменно волнующее, это таинство? Разве что порой очень легко перейти грань между любовью и похотью – например, когда стремишься лишь к собственному наслаждению несмотря ни на что. Но ведь в близости, как и в других формах отношений, нельзя забывать о родном человеке, о его интересах, о его желаниях, о его воле, наконец... Иногда жена так устает с ребенком, что ей не хватает сил ни на что – порой я из-за этого обижался, а потом понял, что можно и нужно перетерпеть. Если лишний раз отказаться от близости, то в следующий раз она будет более яркой и принесет большее удовольствие обоим, и это лучше, чем против воли брать жену, а после почувствовать лишь горечь и досаду.

Мстислав – иногда я гордо называю сына полным именем – вновь заворочался в подвешенной к потолку люльке, заставив меня задержать дыхание. Нет-нет, я несколько не боюсь, просто... Просто пускай наевшийся мамино молоко малыш покамест еще поспит, дав Дали пару лишних часов сна.

Дали... Я уже давно не называю возлюбленную Диларой, на половецкий манер, но и крестильное имя Любовь не прижилось – хотя иногда в мыслях я величаю ее Любавой. Но все же чаще именую сокращенно, как привык звать еще до венчания...

Как же давно это было! Чуть больше года... А сколько событий случилось после?! Взять хоть тот пир, когда катепан попытался нас отравить!

Что-то не спится – видно, разгоряченный поединком с Артаром, а после бурно отметив победу с женой, я на время отогнал сон. Ну и ладно, в конце концов, коли воспоминания лезут в голову, почему бы не перебрать их? Вот, например, я как сейчас вижу: катепан направляется к нам с князем, сжимая в руках братину с отравленным вином...

Часть первая

Схватка с империей

Глава 1

Август 1066 г. от Рождества Христова

Тмутаракань, столица княжества.

Дворец Ростислава Владимировича

Когда катепан сделал первый шаг к княжескому столу, я невольно оцепенел. Как?! На год раньше? Быть может, опущенный в вино палец – лишь чистая случайность? Что, если я его обличу, но окажется, что яда нет – несмываемый позор и смертельное оскорбление, нанесенное соседям? Конфликт с Византией, к которому мы сейчас не готовы?!

Все эти мысли пронеслись в голове за пару секунд. У меня нет выбора – я должен защитить Ростислава.

– Княже! Позволь на правах побратима первым принять эту чашу сладчайшего вина!

В зале послышался недовольный глухой ропот, в котором можно разобрать часто повторяющееся: «Как он смеет?!», «Да кто он такой?!», «Ох, рассвирепеет

князь...». И действительно, Ростислав удивленно воззрился на меня, причем наравне с недоумением в его взгляде читается и пока еще далекий гнев. Понимая, что мой поступок со стороны кажется совершенно глупым вызовом – ишь, зазнался урманин, вперед князя лезет! – я приблизился к новоиспеченному побратиму и едва слышно произнес:

– Вино отравлено. Я хочу его разоблачить.

Все-таки воспитание в семье правителей дорого стоит – лишь на секунду в глазах Ростислава застыло удивление, и вот уже князь дружески приобнял меня за плечи:

– Конечно! Конечно, пусть мой побратим первым отведаст сладкого греческого вина, столь щедро поднесенного нашим ромейским другом!

Если катепан и заподозрил неладное, то вида не подал – да и я, развернувшись к византийцу, лишь радушно улыбнулся, протягивая руки к братине. В зале опять послышался недовольный ропот – ну и плевать на него. Впрочем, вскоре я определяю собравшимся новую цель для излияния гнева... Буквально через пару минут.

Ромей подал чашу, коротко посмотрев мне в глаза. В его взгляде читается лишь приторная лесть. Опытный лицедей! Моя дружелюбная учтивость наверняка не так естественна... Склонившись, я покачал братину в руках, сделав вид, что уже собираюсь пить, и вновь поднял взгляд на лукавого грека:

– Катепан, мой старый друг!

Губы византийца сложились в довольную улыбку, но в глазах будто бы пробежала легкая тень.

– Мой старый друг, который так и не удостоил меня встречи в Корсуни! В те самые дни, когда я вводил разоренных корабельных мастеров с ромейских верфей, он не набрался мужества встретиться со мной лично. Зато подослал наемных убийц!

В этот раз губы ромея исказила кривая усмешка, а в глазах загорелись жаркие, злые огоньки.

- Что за глупость! Я никого не посылал...

- Так выпей же своего вина!

На мгновение грек потерял самообладание, и на его лице отразился откровенный испуг. Но только на мгновение.

- Что за вздор! Я ведь только что отпил!

Возмущенные моим поведением приближенные Ростислава громко закричали, поддерживая ромея, но я лишь гадко ухмыльнулся:

- А я видел, как ты окунул палец левой руки в вино...

Ропот собравшихся заметно стих, сменившись угрюмой, тяжелой тишиной.

- ...а ведь здесь все знают, насколько коварные ромеи искусны в отравлениях! Осуши же братину и, если я не прав, докажи свою невиновность. Но коли я прав, - в моем голосе зазвенел металл, - то у тебя есть лишь единственный шанс выжить. Расскажи правду, и даю слово, что живота тебя за это преступление не лишат!

Несколько секунд лицо катепана отражало тяжелую внутреннюю борьбу. А я запоздало подумал, что у отравителя могло быть и противоядие про запас, и вообще - в настоящем Ростислав умер спустя несколько дней, греческий яд оказался не из быстродействующих. Вот выпьет ромей вино, отбросит чашу, в довесок выставив меня дураком, да полетит в Херсон, скорее спасать жизнь. Впрочем, мы могли бы и попридержать его в Тмутаракани - вот только после смерти катепана наверняка бы поползли слухи о том, что я сам отравил его в доказательство своих слов. Это не говоря уже о неминуемом конфликте с Византией! Невеселая перспектива, ничего не скажешь.

Но тут грек сломленно склонил голову и едва слышно произнес:

- Пощадите...

В зале повис возмущенный рев:

- Казнить его!!!

- В цепи!!!

- Отправим базилевсу его голову!!!

- В поход на Царьград!!!

Обернувшись к Ростиславу, я коротко попросил:

- Он нам нужен. Живым нужен.

Побратим кивнул, обжигая катепана ледяным взглядом, и жестом подозвал дружинников.

Октябрь 1066 г. от Рождества Христова

Тмутаракань, столица княжества.

Дворец Ростислава Владимировича

Среди собравшихся в гриднице сейчас находятся самые влиятельные в княжестве люди: Порей, посадник Корчева, неизменно сопровождающий Ростислава еще с новгородских времен, Горислав, лидер русской купеческой общины в Херсоне, и Путята, глава уже Тмутараканского купечества. Армию и флот скромно представляю я – первый воевода князя, Андрей Урманин.

Первым слово взял Горислав:

- Княже, после попытки отравления катепаном вся Корсунь бурлит, под твою руку идти хочет! Люди не желают, чтобы ими правили низкие отравители,

и никогда еще не было у греков такого единодушия, как стать твоими людьми! Мастера, землепашцы, купцы, даже ратники – все хотят быть твоими! И сурожцы от них не отстают, оба города готовы переметнуться от базилевса!

Короткая и эмоциональная речь купца нашла живой отклик у Ростислава – глубокая морщина, пролегла на лбу от тяжелых дум, разгладилась, глаза посветлели. Собрата по цеху поддержал Путята:

– Коль Корсунь возьмем, наши купцы самыми богатыми на Руси станут, куда уж новгородцам! Ведь через нас вся торговля с ромеями пойдет, а заодно и с Хорезмом!

Однако фонтан купеческого оптимизма живо перекрыл суровый практик Порей:

– Княже, катепан на пытках признался, что он сам решил использовать яд, без приказа базилевса. Так что с нашей стороны причины забрать города нет. Греки же люди изменчивые, сегодня они тебя славят, но уже завтра откроют ворота ромейскому войску. А ведь коли возьмем мы их города, с базилевсом войны не избежать! Приплывут они на своих громадах, да зальют огнем греческим любую из гаваней. А у нас ведь все города на побережье, они хоть на Корсунь пойдут, хоть на Корчев, а хоть на саму Тмутаракань! Войско высадят, пока дружина не собралась, что делать будем? Стоит ли развязывать проигрышную войну?!

Ростислав, вновь нахмурившийся после слов старого сподвижника, обратился ко мне:

– Ну а ты, Андрей, что скажешь?

Коротко поклонившись побратиму, я начал неспешно рассуждать:

– Правы оба, и Путята, и Порей. Безусловно, если базилевс соберет флот и судовую рать, они могут ударить в любой точке княжества. И, безусловно, если дело дойдет до осады Корсуни, с полной уверенностью можно заявить, что найдутся предатели – хотя для кого как! – кто откроет ворота или каким иным образом поможет осаждающим. Но если мы все же займем Корсунь и Сурож... О, это даст нам огромные преимущества, княже! Греческие мастера талантливы и трудолюбивы, их женщины плодовиты. Уменьшим подати, дадим возможность возделывать землю без всяких препятствий, и в скором времени они заселят всю

Старую Готию, где и сегодня есть старые крепости и небольшие поселки[1 - Старая Готия – в описываемое время готское княжество, присоединенное византийцами к Херсонской феме (области). Была населена крымскими готами, закрепившимися в горах еще до «великого переселения народов» и в дальнейшем смешавшимися с греческим населением. Часть крепостей фемы были построены готами в 6 в. н. э., это так называемые бурги – в устье Черной речки (Каламита), на скале Куле-Бурун (Сюйрень), в междуречье Альмы и Бодрака (Бакла). Другие опорные пункты – фрурионы – возвели уже греки, в том числе Дорос, будущую столицу княжества Феодоро. Если бурги строились для контроля внутренних путей, то фрурионы защищали горные проходы и одновременно выполняли задачу защиты окрестного населения. Также на побережье было построено довольно много кастронов – небольших замков, возводимых в качестве убежища жителей окрестных сел на случай вражеского нападения.]. А между тем в степную часть полуострова половцы еще не проникли, сейчас там живут торки с печенегами. Если мы заключим с кочевниками союз на условиях признания ими княжеской власти, то получим в свое распоряжение сильное конное войско, а степняки – мощные каменные укрепления, на которые смогут опереться в случае половецкого вторжения. Помимо того, объединив усилия всех ваших подданных, в будущем мы смогли бы возвести вал в горле полуострова, быть может, даже впустить море в ров. А в месте наиболее удобного прохода возвести крепость. Печенегов мы убедим, что возводим укрепления для защиты от половцев, но фактически черные клобуки окажутся в вашей полной власти, запертые крепостями со всех сторон!

– Красиво речешь, урманин! Вот только все, что ты говоришь, возможно лишь в будущем, в то время как базилевс может нанести удар уже сейчас!

Порей резко меня перебил, и в глазах Ростислава, с удовольствием слушающего о разворачивающихся перед ним перспективах, я заметил гневные искорки. Но князь мудр, на старого сподвижника срываться не стал. Да и несмотря на авантюрные черты его характера, перспектива войны с Византией действительно пугает побратима – и не его одного.

– Все верно. Но не стоит забывать, что после смерти царя Василия[2 - Василий Второй Болгаробойца – византийский император, его сестра Анна стала супругой князя Владимира Красное Солнышко. Все правление Василия ознаменовалось как гражданскими, так и внешними войнами, из которых базилевс в итоге вышел победителем. Так, мятеж Варда Фоки был подавлен при помощи русского корпуса, посланного князем Владимиром и в будущем ставшего варангой –

византийской гвардией. Войну с Болгарией Василий выиграл в 1014 г. в сражении при Беласице. Победив, базилевс приказал ослепить 15 тыс. пленников, за что и получил свое прозвище – хотя ранее, в 986 г., в битве у Траяновых ворот император сам потерял всю армию и едва спасся. Василий воевал и на Кавказе, разбив грузин и армян, а после присоединив к империи Армянское царство. Помимо того, Болгаробойца успешно сражался в Италии, громил пиратов Далмации, противостоял лангобардским герцогам. Обратной стороной его воинственного правления стало обнищание казны и крепчающая зависимость от венецианских купцов, в обмен на военную помощь подмявших под себя византийскую экономику. Но, пожалуй, самым главным просчетом Болгаробойца, сумевшего дожить до естественной смерти, стало отсутствие детей-наследников и подготовленного, назначенного им преемника. Смерть базилевса стала фактическим концом македонской династии на византийском престоле и поставила империю на край гибели, ввергнув в эпоху борьбы за власть.] империей не правил ни один базилевс, кто заботился бы о ее войске и судах. Константин Дука не чета Иоанну Цимисхию[3 - Иоанн Цимисхий – один из самых известных на Руси императоров Византии, противник и победитель Святослава Игоревича. Происходил из знатного армянского рода и стал базилевсом с помощью любовницы, императрицы Феофано. Сговорившись, они убили действующего правителя, Никифора Фоку (дядю Цимисхия по материнской линии). Реформировав армию после первой войны со Святославом (неудачной, византийское войско проиграло битву у Аркадиополя), Иоанн сумел уничтожить часть русской дружины в Преславе. Затем последовала серия тяжелых боев у Доростола, результатом которых стал уход Святослава из Болгарии (возвращаясь, князь с остатками дружины погиб в печенежской засаде). Позже Иоанн успешно воевал на Ближнем Востоке, за два похода вернув Сирию и Финикию. Цимисхию пророчили великое будущее, но, как это часто бывает, вмешались обстоятельства (точнее, завистники) – император был отравлен.] и Никифору Фоке[4 - Никифор Фока – один из наиболее знаменитых византийских императоров македонской династии, на Руси известен союзом со Святославом и привлечением его к борьбе с Болгарией. Император происходил из знатной византийской семьи, но не имел прав на престол. Однако прославившись в качестве полководца – победителя арабов, он снискал всенародную любовь и популярность. Никифор стал императором-регентом, взяв в жены вдовствующую императрицу Феофано и признав законными преемниками ее сыновей, Василия (будущего Болгаробойца) и Константина. Став базилевсом, он успешно воевал и на востоке (против арабов), и на западе (с арабами на Сицилии и германцами в Италии). Никифор Фока был императором-воином, предпочитая роскоши дворцов солдатскую палатку. Он прижимал знать, стремился ограничить ее права и влияние, облегчая положение простых людей.

Это многим не нравилось. В конце концов против супруга выступила сама императрица Феофано, когда-то приведшая Никифора на престол. С ее согласия и с ее помощью во дворец проникли убийцы во главе с Цимисхием – лучшим полководцем и племянником Фоки, в свое время убедившим дядю стать императором.], не сравнится он и с Болгаробойцем. Чтобы собрать ратников и корабли, ромеям потребуется время. Но между тем греки, как никто другой, любят действовать чужими руками. Порей страшится их флота в Тмутараканской гавани, а на его месте я бы боялся войска союзников базилевса.

В гриднице повисло тяжелое молчание, некоторое время спустя прерванное Ростиславом:

– Ясы. Они ведь точат на нас зуб после войны с касогами[5 - Отношения ясов (аланов) и касогов нельзя назвать безоблачными: к примеру, арабский историк и географ Аль-Масуди в 943 г. писал, что касоги сражались с аланами. Ясы безрезультатно пытались их покорить, но горцы смогли остановить натиск соседей у прибрежных крепостей. Однако уже в 1022 г., в ходе войны Византии и Грузии, когда князь Мстислав Удалой (византийский союзник) выступил против аланов (грузинские союзники), касоги сражались на стороне ясов. По одной версии – как равноправные союзники, по другой – как представители аланского племенного союза, то есть подданные. Тем не менее в дальнейшем касоги и ясы сосуществовали в мире, не образуя, однако, единого государства.].

Новгородец энергично поддержал князя:

– И верно! Ведь царь Дургулель только вернулся из похода на Арран[6 - Арран – историческая область в Восточном Закавказье, в указанный период находилась под властью Шеддадидов, исламской династии курдского происхождения. Во время вторжений сельджуков в Грузию, Армению, Византию Шеддадиды последовательно выступили в качестве турецкого союзника и вассала. В свою очередь, на стороне грузин в это противостояние оказались втянуты и аланы.], у него пятьдесят тысяч войска! А коли двинутся на нас ясы, то тотчас взбунтуются и касоги!

Я коротко улыбнулся:

– И вновь воевода Порей прав. Воинов у царя Дургулеля много. Но много и врагов! Близкого союзника ясов, Грузинское царство, с юга давят кочевники-

мусульмане, и им обоим нужна помощь. А Византия не спешит ее оказывать, ромеи ввяжутся в драку только тогда, когда ее самим будет уже не избежать. Так вот, если мы убедим Дургулея, что более верным и надежным союзником является не базилевс Константин, а князь Ростислав, то мы избежим войны с ясами.

Короткое молчание, установившееся после моих слов, первым нарушил Порей:

- Даже если мы убедим Дургулея не участвовать в войне с Византией...

- ...То мы сами нанесем первый удар с моря!

- А-ха-ха-ха!!!

Ядовито рассмеявшись в ответ на мои слова, новгородец принялся с гневом меня отчитывать, брызгая слюной при каждом слове:

- Жаль, что Вышата преставился, а то бы он рассказал тебе, урманин, как ромеи жгли его корабли «греческим огнем»! Как горела сама вода, как...

- Мне прекрасно знакомы возможности византийского флота, воевода. Если ты не забыл, в прошлом году мы именно на ромейских судах разбили касогов.

Оборвав пламенную речь Порей, я спокойно продолжил:

- Греки имеют возможность ударить по любому городу княжества, это верно. На их месте я разделил бы флот на две части и первой атаковал бы Тмутаракань. Дождался, когда князь призовет на защиту стольного града всю дружину, и высадил бы основные силы под Корсунью и Сурожем, вернув города. Именно поэтому необходимо лишить ромеев наступательной инициативы, опередить их удар. К примеру, атаковать побережье силами касогов, дать им вволю пограбить греков. Когда же последние бросят против них эскадру, заманить врага в ловушку, где его будут ждать лучшие наши суда. А что касается повода... Любой поверит, что катепан на пытках указал на базилевса, даже если это и неправда - он ведь мог таким образом попытаться себя обелить. Мол, действовал по приказу. Да и настоящие указания Константина Дуки были довольно размыты: удержи город любой ценой - так ведь ромей сказал, верно? Любой ценой. Вот он

и пошел на отравление, и кто знает, не прикажет ли прямо базилевс своему следующему посланнику отравить князя?! Просто на всякий случай. Греки часто пускают яд в ход против своих политических противников.

Князь согласно кивнул и спросил:

– Сколько у нас кораблей?

– Если не считать херсонские панфилы, которые не факт, что перейдут к нам вместе с экипажами, то помимо прошлогодних либурн Калинник срубил еще четыре на верфях Танаиса. Вряд ли византийцы соберутся атаковать нас зимой, а к весне число судов удвоится и у нас их будет как минимум двенадцать.

Порей недоверчиво покачал головой:

– Двенадцать малых против даже двух десятков больших...

– Я знаю, как бить большие греческие дромоны, воевода! Мастер Калинник доступно все рассказал, и если мы решимся, то дело останется лишь за подготовкой команд к весне. Мы наберем их из корсуньцев, варягов и тмутараканцев. Но если занимать ромейские города, – обратился я к Ростиславу, – то действовать нужно сейчас. Базилевсу не потребуется собирать большой флот, когда хватит отправить тройку дромонов с десантом, чтобы мятеж в городе стих. И помните: от Царьграда до Корсуни морским путем от силы три-четыре дня хода. Быть может, пока мы обсуждаем предложение, переданное Гориславом, ромеи уже плывут по морю! Решение за тобой, княже.

Ростислав внимательно осмотрел собравшихся, заглядывая в глаза каждому. Купцы смотрят по-собачьи преданно, всем своим видом показывая, что они «за» – но на то они и купцы, чтобы преследовать лишь собственную выгоду. Порей насупился, смотрит хмуро, его взгляд буквально кричит: нет, нет, опасно! Наконец князь обратил свой взор на меня – и мне едва хватило выдержки сохранить спокойствие и не показать своего волнения! Но, возможно, именно эта непроницаемость сыграла ключевую роль в решении Ростислава.

– Порей, собирай дружину и варягов. Мы возьмем города! А ты, побратим, готовься ехать послом к Дургулелю. И чтобы отправился как можно раньше! Вы же, торговые люди, соберите богатых даров, да поболее, надобно затмить блеск

ромейского золота. Как-никак настоящего царя будем в союзники приглашать!

Я низко поклонился, в то время как корчевский посадник со злостью потрянул головой. Но такова воля князя! Разгоряченные, радостными взглядами обменялись купцы – видимо, текущие потери «на подарки» не идут ни в какое сравнение с возможными будущими прибылями.

– Позволь, княже, мне задержаться.

Ростислав кивнул, несмотря на еще один красноречивый, пышущий неприязнью взгляд Поря, устремленный в мою сторону. Но что поделать, воевода, коль ты все время пытаешься мне возражать?

Дождавшись, пока мы останемся вдвоем, я обратился к побратиму:

– Княже, что ты думаешь о будущем?

Встретив недоумение в глазах собеседника, я пояснил свою мысль:

– К чему ты стремишься? Мстислав в свое время отправился из Тмутаракани в Чернигов, дрался за Киевское княжение, собрав вокруг себя местную вольницу. А хочешь ли ты бороться за великокняжеский престол?

Ростислав ответил не сразу, взяв некоторую паузу:

– Такие мысли меня посещают. Но время пока не настало!

– И не настанет.

В этот раз в глазах побратима сверкнул и зарождающийся гнев.

– Это почему же?!

Вновь низко поклонившись, демонстрируя свою покорность княжеской воле, я степенно ответил:

– Потому что тогда всю Русь силой брать придется. Сейчас правят твои дядья, княже, и у всех свои сыновья. Скольких родственников тебе придется убить и навеки изгнать, чтобы стать полновластным правителем?

– Родственники не посмотрели на родную кровь, когда предали меня. – В голосе Ростислава звучит неподдельная горечь и обида, но гнева в нем не так и много.

– Верно. Но между предательством и братоубийственной войной, в которой сколько мужей взрослых и дев русских сгинет, разница есть! А ведь между тем твои владения вскоре вырастут едва ли не вдвое. Города, построенные греками, крепости, которых нигде больше на Руси нет! Ты не хуже великого князя чеканишь свои монеты, у тебя много городов и подданных, купечество обогащает твою казну. Краше, богаче и сильнее удела на Руси уже нет и не будет!

Обратив свой взор в узкое окно с видом на море, побратим отвернулся от меня, но даже по горделиво выпрямившейся спине можно сказать, что ему нравится моя речь.

– Понятно, что борьба может пойти за самую Тмутаракань. Но что, если, взяв Корсунь, ты примешь новый титул? Назовешь себя царем? О каком тогда княжестве и притязаниях на него может пойти речь, если это будет уже совсем другое государство?

Ростислав резко обернулся ко мне. В его живом взгляде читается повышенный интерес.

– Ты ведь не закончил? Продолжай.

Я позволил себе кроткую улыбку, в душе наслаждаясь реакцией побратима – он ведь еще старается говорить спокойно! Хотя вначале не удержался, развернулся ко мне чересчур порывисто.

– Продолжаю. Лучше всего будет, если ты породнишься с местными государями – и они станут надежной опорой в случае вероятного вторжения с Руси. Я смогу убедить Дургулеля не нападать на нас, приведя лишь самые сильные аргументы. Так что в следующем походе ясов нам придется участвовать, дать им своих воинов – но ведь в то же время мы можем укрепить

наш союз династическим браком! У царя есть внуки, и я постараюсь уговорить Дургулея обручить одну из них с Рюриком. А когда они повзрослеют, то и повенчать. Мне нужно лишь твое согласие, княже!

Ростислав внимательно выслушал меня и глубоко задумался. Предложение не нашло столь живого отклика, на который я рассчитывал, и, дабы окончательно убедить побратима, мне пришлось чуть сбивчиво продолжить:

– Понимаю, речь идет о старшем сыне. Но подумай вот о чем, княже: твой внук от ясской царевны будет иметь право и на престол Дургулея. Кто знает, как повернется в будущем? Быть может, оба царства станут едины – и без войны, а собранные наследником, в чьих жилах будет течь кровь вас обоих! В любом случае это сильно укрепит нашу связь с соседями и позволит рассчитывать на дополнительную поддержку ясов.

Мне самому мои аргументы кажутся стопроцентными, но Ростислав отчего-то медлит, в нем происходит внутренняя борьба. Во рту у меня неожиданно пересохло, видимо, от волнения, но я опять взял слово, силясь окончательно убедить его в своей правоте:

– Воля твоя, князь, ты и правитель, и отец, решать тебе. Но все же, если ты беспокоишься о Рюрике, то вспомни, что ясские женщины славятся своей красотой и благочестием. Тем более у них с нами одна вера – и вряд ли мы найдем вашему сыну лучшую невесту! Но именно сейчас будущий брачный союз может стать последним доводом, что убедит Дургулея поддержать нас, а не базилевса.

Ростислав наконец согласно кивнул:

– Хорошо, Андрей. Если переговоры найдут о возможности обручения и будущего венчания Рюрика, то я позволяю тебе обещать это от моего имени.

И вновь я склонил голову, ликуя в душе:

– Тогда дозволю идти готовиться, княже. В путь отправлюсь, как только купцы дары приготовят!

– Ступай, побратим. И без союза не возвращайся! Ты необыкновенно красноречив для урманина, и я верю, что только в твоих силах убедить ясов!

Когда я уже покидал гридницу, до меня донеслось едва слышное:

– Вот только как теперь убедить Ланку обручить сына... Хм, царь Ростислав Владимирович, владыка Тмутараканский и Корсунский, повелитель русов и ромеев... А ведь звучит!

«И ведь действительно звучит», – с улыбкой подумал я.

Глава 2

Декабрь 1066 г. от Рождества Христова

Магас, столица Аланского царства

Алания – страна множества небольших поселений и крепостей. Нередко они связаны между собой сторожевыми форпостами, откуда при появлении опасности подаются дымные и огневые сигналы. Особенно много крепостей построено ясами на порубежных реках, однако углубляясь внутрь небольшого, но воинственного царства, мы повстречали еще немало укреплений.

Ясы строят свои замки из камней, плотно подгоняя их друг к другу. Возможно, они используют и растворы, но об этом я точно не знаю. На равнинной же части, в предгорьях, аланы возводят укрепления из сырцового кирпича или роют очень глубокие рвы – я слышал, в восемь человеческих ростов! – да шириной в шестьдесят шагов, а из вырытой земли насыпают вал.

В царстве процветает торговля – здесь проходят маршруты Великого шелкового пути[7 - Великий шелковый путь – транзитные (через всю Азию) торговые маршруты, ведущие из Китая в Рим и существовавшие с античных времен. Имел немало ответвлений, в том числе и через Кавказские горы к греческим, а позже византийским портам Восточного Причерноморья.], и на дорогах постоянно встречаются путевые столбы-менгиры в форме воинских статуй. Поселения же

ясов в горах пусть не поражают размерами, но зато многочисленны. Вокруг них лежат пастбища и поля, на которых выводятся культурные растения и злаки.

Ясы славятся не только как скотоводы и строители, но и как искусные кузнецы – иначе они бы просто не смогли создать своей тяжелой конницы. При Комнинах, всего через десять лет[8 - Речь идет о событиях, имевших место в реальной истории.], аланские панцирные всадники будут громить вторгшихся в Византию норманнов Роберта Гвискара и с успехом противостоять сельджукам в Малой Азии. Более того, племянница царя Дургулеля, известная как Мария Аланская[9 - Мария Аланская – реальная историческая фигура, дочь грузинского царя Баграта Четвертого Куропалата и Борены Аланской, сестры Дургулеля Великого.], уже сейчас находится в Константинополе в статусе царевны – она супруга Михаила Дуки, будущего базилевса. Так что переговоры мне предстоят очень сложные, учитывая родство аланского и византийского монархов.

Впрочем, когда-то сарматы – ираноязычный племенной союз, в который входили и аланы, – сражались с римлянами и даже побеждали их в боях. Их вытеснили из Причерноморья и донских степей гунны, и часть сильного и воинственного племени приняла участие в великом переселении народов – но позже растворилась среди германских, славянских и готских племен. Часть же отступила к горам, где и продолжила свое независимое существование, сохранив идентичность.

А ведь в истории Алании все это еще раз повторится – гибель под ударами кочевников Батыя, а позже Тамерлана, разрушение всех городов и замков и спасение лишь горстки выживших в горах, после чего былая мощь и величие ясов навсегда угаснут...

Но здесь я попробую это исправить!

До Магаса, столицы царства, мы добирались долго, не менее трех недель. Дело в том, что со мной увязалась Дали – и я не смог отказать возлюбленной жене. Решающую роль сыграл не каприз беременной женщины – как раз из-за ее положения я и не хотел брать половчанку с собой. Вот только слишком много врагов я нажил в Тмутаракани за последнее время... И кто знает, как они могут отомстить за мое скорое возвышение при Ростиславе? В конечном счете яды знают и используют не только в Византии.

Мне несказанно повезло: хороший, густой снег выпал уже в ноябре, и пусть он простоял недолго, я успел провести санный княжеский обоз с дарами до самых гор – путешествовать на санях, в отличие от необычайно тряских, неподрессоренных телег, одно удовольствие. Правда, позже удовольствие сменилось трудностями путешествия по серпантинам, но к чести ясов стоит отметить, что караванные дороги они поддерживают в хорошем состоянии, никогда не отказывают путникам в помощи и приюте, и я ни разу не слышал о разбойниках. Воистину в правление Дургулеля Алания – цветущая страна.

Столица царства меня не разочаровала – Магас нисколько не уступает размерами Тмутаракани, а быть может, даже и превосходит ее. Правда, из-за того, что город лежит в долине, он имеет несколько непропорциональные размеры – ширина его, на мой взгляд, не более полукилометра, а вот протяженность достигает едва ли не трех. Долина сквозная и имеет два выхода, оба перегорожены высокими каменными стенами толщиной в два с половиной – три метра. В центре долины располагается царская резиденция, окруженная валом и рвом, а также каменной цитаделью, укрепленной, в свою очередь, пятью башнями, одна из которых надвратная. Кроме того, здесь же расположена и вторая крепость – если я правильно понял перевод, это замок знати. Обе твердыни окружены еще одним кольцом стен, внутри которых расположены казармы царской гвардии, и имеют друг с другом связь по перекидным мостам, через башни. Ничего не скажешь – крепкий орешек!

В городе несколько храмов, два рынка – и самое главное, что все постройки выполнены из камня. Причем я не увидел здесь маленьких неказистых домов – все они просторны и высоки, что говорит о небывалом достатке его жителей. О том же свидетельствует и популярность шелковых одеяний у горожан – в Европе не каждый лорд может позволить себе шелк! Навскидку, по многолюдности горожан и плотности городской застройки, я оценил бы численность проживающих в Магасе тысяч в пятнадцать человек, никак не меньше.

Наше посольство поселили в замке знати, хотя в городе достаточно постоянных дворов. Вначале я этому обрадовался, мне казалось, что таким образом Дургулель подчеркивает значимость нашего присутствия и выражает уважение. Тем более что все дары, отнюдь не малочисленные, радушно улыбающиеся аланы забрали в первый же день нашего пребывания в столице. Но, увы, прежде чем аланский музтазхир принял меня, прошло две недели тягучего, томительного ожидания. Зато я как сейчас помню нашу первую встречу...

Два высоких, плечистых воина, закованных в дорогие, украшенные позолотой чешуйчатые доспехи, с коротким поклоном открыли передо мной двери тронного зала. Мельком скользнув взглядом по ножнам яских гвардейцев, я отметил, что вооружены они прямыми, обоюдоострыми мечами, и сделал первый шаг.

Зал, в котором пируют приближенные царя Дургулеля, меня не слишком впечатлил – звериные шкуры на стенах, в основном мех снежных барсов, но встречается и рысий, и тигриный, и даже, как мне кажется, львиный. Также много оружия – я отметил давно ставшие мне привычными мечи норманнского типа, арабские сабли и хазарские «протопалаши» – видимо, трофеи. Несколько рядов широких и длинных столов, оставивших не слишком просторный проход между собой и развернутых перпендикулярно к царскому, стоящему на возвышении. Вот, собственно, и все, что я успел разглядеть прежде, чем встретился взглядом с музтазхиром.

О, Дургулель действительно имеет величественный вид! Голова его и борода уже осеребрились сединой, но усы остаются черными как смоль – видно, что уже не юноша, а переступивший порог зрелости муж. Но какова идеально ровная осанка! А разворот плеч! Куда уж там Радею или тем более мне! На мгновение показалось, что на царском троне восседает десятник Добрыня, спасший меня прошлым летом и павший в бою, – но только на мгновение. Ибо если взгляд беловежского ратника был по большей части добрым и теплым, то внимательный и оценивающий взгляд музтазхира чересчур тяжел – такое ощущение, что он смотрит на тебя поверх нацеленной стрелы. Или, скажем, будто ты находишься на суде, а он, зная все твои прегрешения, уже вынес приговор и готов его озвучить.

Наши глаза скрестились не более чем на две-три секунды – но они показались мне очень долгими, просто очень! Наконец Дургулель небрежно кивнул, и следующий сзади переводчик – единственная моя свита – слегка подтолкнул меня в спину, как бы призывая начать говорить.

– О величественный и могучий царь Дургулель! Воины твоей страны доблестны, а женщины целомудренны и прекрасны! Благословенна Богом твоя плодородная земля и неисчислимы конские табуны! Позволь же засвидетельствовать тебе почтение моего князя, Ростислава Тмутараканского!

Переводчик бодро затараторил на аланском, повторяя голосом мои интонации. Из его речи я сумел расслышать и понять лишь «Ростислава Тамтаракайского».

Дургулель склонил голову и что-то произнес – ясский толмач обратился ко мне:

– Музтазхир не может принять почтение своего врага.

Услышанное не сразу до меня дошло – а когда дошло, я замер. Неужели все зря и аланы пойдут войной на Ростислава?!

Между тем Дургулель свирепо усмехнулся и начал говорить громко, жестко, исполненным силы и металла голосом. И пока музтазхир вел свою речь, в зале не просто повисла гробовая тишина – присутствующие явно боялись пошевелиться... Лишь переводчик тихо повторял за царем:

– Князь Ростислав предал своих данников и наших союзников касогов, пошел на них войной. Убил пщы Тагира, напал на его земли и ограбил их, сжег флот...

– Но это пщы Тагир восстал и двинул войско на Тмутаракань! А после его смерти касожский флот напал на наше побережье, жег и грабил поселки, угонял людей наших в рабство!

Моя короткая, исполненная негодования протестующая речь все ожидаемо усложнила – если до того в зале было просто тихо, то теперь тишина стала гнетущей, давящей. Она будто наполнилась ужасом ясов, ошеломленных тем, что кто-то осмелился перебить царя!

Дургулель прервал свою речь и бросил что-то короткое, жесткое. Толмач охрипшим от страха голосом произнес:

– Уходите! Музтазхир более не желает вас видеть!

Мгновение я смотрю в глаза царю – но более его тяжелый взгляд меня не пугает, очевидная несправедливость суждения Дургулеля значительно перевесила страх. Помня о том, что гостеприимство у ясов священно, а фигура посла неприкосновенна, я все же счел возможным обратиться к переводчику, смотря при том в глаза музтахира:

– Переведи ему! Переведи!!! Скажи, что стены Тмутаракани высоки и прочны, а воины наши мужественны. Скажи, что он потеряет многих своих славных

богатырей, прежде чем возьмет город! Скажи, что он потеряет их из-за коварства ромеев, которые никогда не шли на помощь Алании, но лишь требовали ее! И что он лишится союзника, кто честно поддержал бы и всегда был готов оказать помощь!

Толмач со страхом посмотрел на меня, но я еще раз с нажимом повторил:

- Переведи!

Яс, белый как мел, быстро и негромко затараторил, но был прерван властным жестом Дургулея, не проронившего при этом ни слова. Толмач совсем жалостливо на меня посмотрел и едва слышно прошептал:

- Не навлекайте на меня гнев музтазхира! Вы посол, а я...

Поняв мысль бедолаги, я раздраженно кивнул и покинул залу, кляня себя за несдержанность. Впрочем, тогда мне казалось, что все уже предрешено и нам остается лишь покинуть Магас, да успеть в Тмутаракань прежде, чем ясы двинутся в поход.

Но не тут-то было: вежливые, улыбчивые придворные очень «удивились», когда я отдал своим людям приказ о сборах. Они мягко, но настойчиво остановили нас с формулировкой «гости не могут пренебрегать гостеприимством музтазхира», после чего всех нас проводили в выделенные покои.

Вскоре ясы огорошили меня очередной убойной новостью – все наши передвижения ограничивались внутренним периметром замка знати, а любые контакты с горожанами запрещены. Ну конечно, в городе ведь есть община русских купцов, и мы бы могли послать через них весточку Ростиславу! То есть фактически мы оказались на положении заложников.

Первые пару дней я метался как загнанный в клетку дикий зверь, которым отчасти и являлся. Идея взять с собой беременную жену казалась все более глупой, я ждал, когда в наши покои заявятся воины музтазхира. Утешало лишь одно: оружия у нас никто не отбирал. Постаравшись собрать всех своих людей в одном крыле выделенного для нас гостевого дома во дворе крепости, я организовал регулярные дежурства и отдал приказ при необходимости драться до конца. Исполненные решимости гриди, также почувствовавшие себя

запертыми в клетке, против боя напоследок не возражали. Впрочем, это был скорее жест отчаяния, попытка сохранить лицо и воинское достоинство, но никак не решение проблемы. Достаточно сказать, что кормили нас с царской кухни и при желании могли бы всех скопом отравить.

Дали, как могла, поддерживала меня, утешала. И надо сказать, присутствие ласковой и заботливой супруги действительно придавало сил, а ее спокойствие и вера в меня в итоге заставили меня прекратить метания и от глупых шагов перейти к адекватным действиям.

- Азнаури Важа! Рад видеть вас в добром здравии! Не желаете ли присоединиться?!

Последние два дня мы с Радеем каждое утро начинаем со схваток на тупых мечах во дворе замка. И большинство аланов – как простых воинов, так и дворян – с детской непосредственностью и удовольствием наблюдают за нашими тренировочными поединками. Я даже пару раз пригласил особо ретивых попробовать себя, чем убил сразу двух зайцев – с одной стороны, почувствовал силу и искусство соперников, с другой, завоевал какой-никакой авторитет, взяв верх в обеих схватках.

Между тем вчера за поединками с нескрываемым интересом наблюдал посланник грузинского царя Баграта Четвертого, азнаури (это дворянский титул) Важа – высокий и стройный молодой человек с располагающим, открытым лицом и умными карими глазами. Вечером же один из моих людей сообщил, что грузинский посланник свободно обратился к нему на русском, проходя мимо. Спросил что-то незначительное и, выслушав ответ, ушел – но то обстоятельство, что Важа, очевидно, знает наш язык и, возможно, специально это продемонстрировал, весьма меня заинтересовало.

В ответ на мое приглашение грузин учтиво склонил голову, после чего мягко, пружинисто вошел в огороженный нами с Радеем круг, с легким поклоном приняв у моего телохранителя учебный клинок и щит.

- Все хотел спросить вас, воевода: зачем вы меняете руку?

Действительно, Важа очень хорошо и чисто говорит на русском, как кажется, вовсе без акцента.

– Пытаюсь развить левую, быть может, когда-нибудь мне это пригодится.

Азнаури чуть прикрыл глаза, показывая, что принял ответ, и все так же вежливо поинтересовался:

– Вы ведь с далекого севера? Я слышал, там некоторые воины бьются двумя мечами, скинув при этом с себя броню.

– Я склоняюсь к мысли, что эти воины одержимы нечистым духом, ибо сила их ударов превосходит человеческие возможности.

Грузин высоко поднял правую бровь:

– Вот как... Выходит, они непобедимы?

Коротко усмехнувшись, я сделал приглашающий жест рукой:

– Один новгородский десятник на моих глазах сразил берсерка. Победить можно кого угодно... Ну так что, приступим?

Важа легонько поклонился – и тут же стремительно прыгнул вперед, отбросив меня ударом щит в щит! Правда, атаку его меча я принял на плоскость клинка и тут же ответил, пытаясь зарядить в лицо соперника жестким ребром защиты, окованным стальной окантовкой, – и ведь силы удара я явно не рассчитал! Но азнаури легко отклонил голову и тут же молниеносно контратаковал прямым уколом, от которого мне едва удалось увернуться.

По мышцам пробежала очередная волна жара, на лбу проступил пот – грузин очень быстр и точен, опасный соперник! Однако я пригласил его не ради воинской потехи.

– Ромейский посланник в Магасе?

Едва заметно кивнув, Важа хлестко рубанул наискось – но я подставил щит под его клинок и, сблизившись, от души рубанул сверху, по дереву защиты:

– Царь уже собрал войско в поход?

– Нет.

Очередной выпад, сверху вниз, нацеленный в голову – я едва-едва успеваю отпрянуть.

– Пока нет.

Отступив назад, я на несколько мгновений замер, выставив перед собой щит и подняв сверху учебный меч, острием к окантовке – приняв, таким образом, стандартную защитную позицию.

– У меня есть шанс его переубедить?

Азнаури внимательно, остро посмотрел мне в глаза, после чего резко бросился вперед, целя мечом в горло. Однако сместившись в сторону от его атаки, я поднырнул под клинок противника и коротко рубанул, оказавшись сбоку. Остановленный в последний момент меч замер, едва коснувшись сталью открытого участка шеи у позвонков.

Развернувшись ко мне, Важа располагающе улыбнулся и воскликнул:

– Поздравляю тебя с победой, воевода!

После чего уже тише заметил:

– Вам нужно быть не столь резким. Царь играет с вами перед ромеем, однако он и сам устал от вероломства греков. Решение еще не принято, вам нужно попасть на прием!

Отшагнув, грузин с обезоруживающей улыбкой обернулся к окружающим нас ясам, чуть пожав плечами – мол, не получилось одолеть руса, – и вновь обратился ко мне, громко, во всеуслышание заявил (видать, тут не только он

понимает наш язык):

– Ратное искусство воеводы тамтаракайского высоко, сложно победить его в схватке! Но еще я слышал, что у него есть волшебный меч из «небесной стали», что рубит любые другие клинки. Было бы интересно на него взглянуть!

Вновь поклонившись мне, теперь уже на прощанье – так, что губ и вовсе не было видно, Важа едва слышно прошептал:

– Воистину царский подарок...

Азнаури ушел, а я с горечью подумал, что с харалужным клинком, видимо, придется расстаться...

Однако напроситься на аудиенцию к царю даже с таким даром, как мой собственный «небесный» меч, оказалось далеко не просто. Мое предложение принять его, переданное через толмача, ожидало решения пять дней. По прошествии их краснеющий от смущения переводчик передал ответ: «У музтазхира много клинков. Нет никакой нужды в очередном». Сплюнув от злости, я потребовал передать, что такого меча нет во всем царстве и нет стали, что была бы способна ему противостоять! В этот раз мое эмоциональное послание нашло ответ всего через пару деньков – Дургулель вызвал меня к себе, желая увидеть мое ратное искусство и, главное, проверить крепость харалужного клинка.

Глава 3

Январь 1067 г. от Рождества Христова

Магас, столица Аланского царства

И вновь благодаря совету грузинского посла я оказался в приемном зале Дургулеля. Разве что сейчас в помещении отсутствует мебель – не считая настенных украшений и царского помоста – и в нем находится еще больше народу, чем в прошлый раз. Мужчины, воины, богатыри – лучшие витязи

аланской земли, первые «рыцари» Магаса собрались здесь ради демонстрации возможностей харалужного клинка и сейчас неотрывно взирают на меня. Кто с интересом, кто с неприязнью, кто-то оценивающе, а некоторые – с плохо скрываемым гневом. Но смотрят все – и это совершенно не придает мне уверенности в себе.

Тем не менее я прошел практически весь путь до царского трона, где вольготно восседал Дургулель, и опустил на одно колено шагов за десять до него.

– О великий музтазхир ясов! Прости мне мое невежество, грубость и глупость, прости мне дерзкие слова, брошенные при прошлой встрече! И позволь мне преподнести сей клинок, выкованный кузнецами далекого Новгорода, в безвозмездный дар! Этот меч способен с легкостью разрубить любой другой!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Старая Готия – в описываемое время готское княжество, присоединенное византийцами к Херсонской феме (области). Была населена крымскими готами, закрепившимися в горах еще до «великого переселения народов» и в дальнейшем смешавшимися с греческим населением. Часть крепостей фемы были построены готами в 6 в. н. э., это так называемые бурги – в устье Черной речки (Каламита), на скале Куле-Бурун (Сюйрень), в междуречье Альмы и Бодрака (Бакла). Другие опорные пункты – фрурионы – возвели уже греки, в том числе Дорос, будущую столицу княжества Феодоро. Если бурги строились для контроля внутренних путей, то фрурионы защищали горные проходы и

одновременно выполняли задачу защиты окрестного населения. Также на побережье было построено довольно много кастронов – небольших замков, возводимых в качестве убежища жителей окрестных сел на случай вражеского нападения.

2

Василий Второй Болгаробойца – византийский император, его сестра Анна стала супругой князя Владимира Красное Солнышко. Все правление Василия ознаменовалось как гражданскими, так и внешними войнами, из которых базилевс в итоге вышел победителем. Так, мятеж Варда Фоки был подавлен при помощи русского корпуса, посланного князем Владимиром и в будущем ставшего варангой – византийской гвардией. Войну с Болгарией Василий выиграл в 1014 г. в сражении при Беласице. Победив, базилевс приказал ослепить 15 тыс. пленников, за что и получил свое прозвище – хотя ранее, в 986 г., в битве у Траяновых ворот император сам потерял всю армию и едва спасся. Василий воевал и на Кавказе, разбив грузин и армян, а после присоединив к империи Армянское царство. Помимо того, Болгаробойца успешно сражался в Италии, громил пиратов Далмации, противостоял лангобардским герцогам.

Обратной стороной его воинственного правления стало обнищание казны и крепчающая зависимость от венецианских купцов, в обмен на военную помощь подмявших под себя византийскую экономику. Но, пожалуй, самым главным просчетом Болгаробойца, сумевшего дожить до естественной смерти, стало отсутствие детей-наследников и подготовленного, назначенного им преемника. Смерть базилевса стала фактическим концом македонской династии на византийском престоле и поставила империю на край гибели, ввергнув в эпоху борьбы за власть.

3

Иоанн Цимисхий – один из самых известных на Руси императоров Византии, противник и победитель Святослава Игоревича. Происходил из знатного армянского рода и стал базилевсом с помощью любовницы, императрицы Феофано. Сговорившись, они убили действующего правителя, Никифора Фоку (дядю Цимисхия по материнской линии). Реформировав армию после первой войны со Святославом (неудачной, византийское войско проиграло битву у Аркадиополя), Иоанн сумел уничтожить часть русской дружины в Преславе. Затем последовала серия тяжелых боев у Доростола, результатом которых стал уход Святослава из Болгарии (возвращаясь, князь с остатками дружины погиб в печенежской засаде). Позже Иоанн успешно воевал на Ближнем Востоке, за два похода вернув Сирию и Финикию. Цимисхию пророчили великое будущее, но, как это часто бывает, вмешались обстоятельства (точнее, завистники) – император был отравлен.

4

Никифор Фока – один из наиболее знаменитых византийских императоров македонской династии, на Руси известен союзом со Святославом и привлечением его к борьбе с Болгарией. Император происходил из знатной византийской семьи, но не имел прав на престол. Однако прославившись в качестве полководца – победителя арабов, он снискал всенародную любовь и популярность. Никифор стал императором-регентом, взяв в жены вдовствующую императрицу Феофано и признав законными преемниками ее сыновей, Василия (будущего Болгаробойца) и Константина. Став базилевсом, он успешно воевал и на востоке (против арабов), и на западе (с арабами на Сицилии и германцами в Италии).

Никифор Фока был императором-воином, предпочитая роскоши дворцов солдатскую палатку. Он прижимал знать, стремился ограничить ее права и влияние, облегчая положение простых людей. Это многим не нравилось. В конце концов против супруга выступила сама императрица Феофано, когда-то приведшая Никифора на престол. С ее согласия и с ее помощью во дворец проникли убийцы во главе с Цимисхием – лучшим полководцем и племянником Фоки, в свое время убедившим дядю стать императором.

Отношения ясов (аланов) и касогов нельзя назвать безоблачными: к примеру, арабский историк и географ Аль-Масуди в 943 г. писал, что касоги сражались с аланами. Ясы безрезультатно пытались их покорить, но горцы смогли остановить натиск соседей у прибрежных крепостей. Однако уже в 1022 г., в ходе войны Византии и Грузии, когда князь Мстислав Удалой (византийский союзник) выступил против аланов (грузинские союзники), касоги сражались на стороне ясов. По одной версии – как равноправные союзники, по другой – как представители аланского племенного союза, то есть подданные. Тем не менее в дальнейшем касоги и ясы сосуществовали в мире, не образуя, однако, единого государства.

Арран – историческая область в Восточном Закавказье, в указанный период находилась под властью Шеддадидов, исламской династии курдского происхождения. Во время вторжений сельджуков в Грузию, Армению, Византию Шеддадиды последовательно выступили в качестве турецкого союзника и вассала. В свою очередь, на стороне грузин в это противостояние оказались втянуты и аланы.

Великий шелковый путь – транзитные (через всю Азию) торговые маршруты, ведущие из Китая в Рим и существовавшие с античных времен. Имел немало ответвлений, в том числе и через Кавказские горы к греческим, а позже византийским портам Восточного Причерноморья.

Речь идет о событиях, имевших место в реальной истории.

9

Мария Аланская – реальная историческая фигура, дочь грузинского царя Баграта Четвертого Куропалата и Борены Аланской, сестры Дургулеля Великого.

Купить: <https://tellnovel.com/roman-zlotnikov/tamatarha-v-kol-ce-vragov>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)